

А.В. Репников. КОНСЕРВАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ. М.: АCADEMIA, 2007, 520 с.

Монография д.и.н. А.В. Репникова – первое специальное исследование, посвященное проектам преобразования России, выдвинутым на рубеже XIX–XX вв. консервативными идеологами и практиками. Книга вышла под грифом Российского государственного архива социально-политической истории, главным специалистом которого является автор.

В последние годы консервативная риторика приобретает все большую популярность в России. Как пишет автор, "сегодня возросшей популярности консерватизма в российском обществе способствует и то, что каждая политическая сила вкладывает в это понятие содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент" (с. 10). В этой связи книга будет полезна и политикам. Отметим, что история правых политических партий в работе не рассматривается, однако в рамках избранной темы затрагиваются теоретические построения главных идеологов этих партий.

Источниковую базу исследования составляют труды русских консерваторов, их эпистолярное наследие, мемуары, а также материалы фондов Государственного архива РФ, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального исторического архива г. Москвы. В Центральном архиве федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ) находятся следственные дела видных деятелей русского монархического движения – А.И. Дубровина и В.В. Шульгина. Совместно с исследователями из ЦА ФСБ они были впервые введены А.В. Репниковым в научный оборот. Существуют разные точки зрения на возможность привлечения в качестве источника этих материалов. Согласно первой, это – в большинстве своем сфабрикованные документы, которые нельзя публиковать. По второй, их нужно обнародовать с обстоятельным критическим комментарием. Последняя точка зрения отражена в работе А.В. Репникова, тем более, что Дубровин и Шульгин были реабили-

тированы Генеральной прокуратурой РФ. Новые источники позволяют составить представление о мировоззренческой эволюции консервативных мыслителей.

Первая глава содержит подробный историографический обзор. Автор отмечает не только позитивные стороны предшествовавших исследований, но и ошибки, а иногда и случаи плагиата и фальсификаций.

Вторая глава дает представление о взглядах на ключевые вопросы российской государственности К.Н. Леонтьева, К.П. Победоносцева, А.Д. Нечволодова, Л.А. Тихомирова, П.Ф. Булацеля, М.О. Меньшикова, С.Ф. Шарипова, Г.В. Бутми, И.И. Дусинского, А.С. Вязигина и других консервативных мыслителей. Помимо анализа проблем историко-политического характера, автор заостряет внимание на том, что консерваторы впервые поставили вопрос о морально-нравственной цене модернизации. Понятия "капитализм", "технические достижения", "либерализм" были для них синонимичны. Прогресс означал либерализацию политической и капитализацию социально-экономической жизни. Ранее на эту специфическую черту консервативного мировоззрения историки внимания не обращали. "Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полувековье ... На капитал мечут громы, и он действительно похож на колесницу Джагернута. Под колесницей его, под миллионом фабричных колес, выжимаются действительно соки народные", – писал Меньшиков (с.108). "Тысячи изуверченных и погибших в пламени людей, десятки тысяч потерявших все свое имущество, стоны и проклятия по адресу промышленных заведений и бессердечных слепых машин, убивающих в Европе больше народу, чем самые убийственные войны, все это громко взывает к человеческой справедливости", – полагал Булацель (с. 111).

Осознавая издержки прогресса, консерваторы вместе с тем признавали, что "капитализм

пока единственное средство спасти человечество от анархии" (Меньшиков), а социалистическая альтернатива ими отвергалась. Впрочем, одним из немногих консерваторов, предложившим выход из этой ситуации, был К.Н. Леонтьев, выдвинувший идею союза социализма с русским самодержавием и "пламенной мистикой". Он писал: "Если социализм – не как нигилистический бунт... а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ, имеет будущее, то в России создать и этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации, – не может никто, кроме монархического правительства" (с.119).

Третья глава монографии посвящена представлениям К.Н. Леонтьева, Э.Э. Ухтомского, С.Н. Сыромятникова, И.И. Дусинского, С.Ф. Шарапова, Л.А. Тихомирова, Ю.С. Карцова о месте Российской империи в мире. Первой крупной неудачей, заставившей задуматься о выработке внешнеполитической доктрины, стало поражение в Крымской войне. Не менее серьезным ударом по национальному самолюбию стала проигранная русско-японская война. Не случайно после этой войны и революции 1905–1907 гг. внимание консерваторов было сосредоточено на Дальнем Востоке и Средней Азии. Россия виделась им как великая монархическая империя, простирающаяся от Европы до Азии. В качестве основных направлений внешней политики они полагали необходимость переориентации от союза с парламентскими западными державами (в первую очередь с Великобританией) на союз с Германией. Консерваторы полагали, что Россия не достигла в своем территориальном росте естественных рубежей: необходимы активные действия России на Дальнем Востоке и в Восточной Европе по расширению своих территорий. Это предполагало объединение славянских народов Балканского полуострова вокруг России и утверждение России в Константинополе и на проливах. Помимо сторонников славянского единства – Н.П. Аксакова, А.В. Васильева, И.И. Дусинского, С.Ф. Шарапова, авторов сборника "Ладо", в консервативной среде были и противники объединения славян – К.Н. Леонтьев, П.И. Ковалевский, В. Строганов, А.И. Саженко, М.О. Меньшиков.

В обосновании экспансионистской политики в Средней Азии подчеркивался мирный и ненасильственный характер русского проник-

новения в этот регион, политическая и духовная близость русских азиатам, в отличие от европейцев. Активно отстаивали эту идею Ухтомский и Сыромятников. Последний полагал, что Россия должна сделаться предводителем "бедных материальными благами и богатых духом" народов Востока. Вместе с тем, некоторые мыслители (Леонтьев, Дусинский, Тихомиров) предупреждали о существовании "желтой опасности" и возможности столкновения с Китаем, который, по их мнению, находится на пути к превращению в могущественное государство. Видели они угрозу и в возможной религиозной и политической экспансии исламского мира.

Многие консерваторы считали, что Россия к войне не готова и пыталось любой ценой удержать царское правительство от столкновения с Германией. О том, что такая война выгодна только Великобритании, а для русского самодержавия может закончиться новой революцией, писали и говорили, обращаясь непосредственно к самодержцу и представителям власти, П.Ф. Булацель, Н.А. Бутми, П. Н. Дурново, А.И. Дубровин, Ю.С. Карцов, Н.Е. Марков, И.А. Родионов, Н.Д. Жевахов. Англофобия была связана не только с тем, что консерваторы видели в Англии геополитического соперника России, но и с неприятием политического строя Великобритании. Война с Германией оценивалась как самоубийственная для монархических режимов обеих стран.

Однако было бы ошибочно считать всех консерваторов германофилами. К.Н. Пасхалов, С.Ф. Шарапов, А.Г. Щербатов считали европейскую войну неизбежной, причем они рассматривали Германию как противника России. Признавая, что Германия будет "вынуждена в силу обстоятельств" утвердить свои мирные торговые завоевания вооруженной силой и отдавая должное немцам, они предостерегали от внешнеполитической ориентации на эту страну. Опасность виделась им в том, что Германия, по мере роста своего могущества, усиливает геополитический натиск на восток. Под этим натиском понималось не только непосредственное давление на Россию и славянские народы, но и проникновение немецкого влияния в Малую Азию и на Ближний Восток. После начала Первой мировой войны Н.А. Захаров, П.И. Ковалевский, М.О. Меньшиков, А.М. Михайлов, И.А. Сикорский, С.Н. Сыромятников опубликовали работы с критикой немецкого милитаризма и экспансионизма.

В качестве перспективных планов на будущее консерваторами предлагалось усилить присутствие России и активизировать научные исследования в районе Ледовитого океана и Арктики, создав там ряд постоянных наблюдательных станций. Предполагалось усилить проникновение российского влияния в Индию, когда британское владычество там ослабнет. Идея похода на Индию, в частности, была высказана профессором П.Н. Буцинским в 1904 г.; допускал подобное развитие событий и Шарапов.

В четвертой главе содержится анализ профессионального и национального вопросов. Автор подробно останавливается на позиции консервативных мыслителей относительно положения Русской Православной Церкви, вопроса возрождения патриаршества, реформы внутрицерковного управления. Не идеализируя современную им политическую ситуацию, консерваторы полагали, что форсирование модернизации приведет к фатальным последствиям для России. Консерваторы предлагали: восстановить патриаршество; освободить церковную жизнь от диктата государственной власти; ввести в церковное самоуправление мирское выборное начало; усилить роль церковного прихода в жизни верующих; объединиться со старообрядцами; сотрудничать со старообрядцами и мусульманами в борьбе с революционерами, сектантами и атеистами.

Автор отмечает, что на рубеже XIX–XX вв. консерватизм в России приобрел ярко выраженную национально-религиозную окраску, но мало кто из теоретиков этого течения всерьез задумывался о разработке доктрины русского национализма. Большая часть консерваторов отстаивала приоритет русской нации, и выступала с критикой "инородческого засилья", полагая, что национальные меньшинства (в первую очередь – евреи) пытаются подорвать устои монархической государственности и авторитет самодержавия. Антисемитизм был распространен среди представителей русского консерватизма, однако было бы ошибочно считать, что именно он определял политическое лицо всего этого течения. В консервативной среде не было единого мнения по национальному вопросу, что выявили острые дискуссии по делу Бейлиса.

Пятая глава посвящена социально-экономическим взглядам консерваторов. В ней проанализированы дискуссии вокруг целесообразности сохранения или реформирования крестьян-

ской общины, размышления о различных путях решения проблемы крестьянского малоземелья; показано неоднозначное, порой диаметрально противоположное, отношение правых к аграрной политике П.А. Столыпина, критика капиталистического уклада. Показаны предлагаемые консерваторами варианты решения рабочего вопроса.

Заключительная, шестая глава книги повествует о судьбах лидеров русского консервативного движения после 1917 г. Многие монархисты в канун революции негативно отзывались о Николае II и его семье. "Какой ужас жить в царствование Николая II и знать, сколько я знаю, и понимать безнадежность будущего еще лет на 12–15!", – утверждал Б.В. Никольский. Тихомиров подчеркивал слабость и безволие Николая II, который находится "под башмаком" у императрицы Александры Федоровны; Тихомиров полагал, что императрица "больна, истерична, и находится всецело в руках Распутина" и считал, что "царство русское кончено при Николае II". Тихомиров, Меньшиков, В.М. Пуришкевич позитивно восприняли весть о падении самодержавия. Но были и те, кто считал Февральские события 1917 г. катастрофой. И.И. Восторгов, Марков, предрекали стране неисчислимые бедствия. Отношение консерваторов к событиям Октября 1917 г. так же было неоднозначным. Никольский писал своему другу поэту Б.А. Садовскому: "Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист... Заслуг у вождей нашего большевизма нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неуправляемые и верные исполнители исторической неизбежности... Они (большевики. – В.М.) в моих глазах наилучшее доказательство того, что несть власти, еще не от Бога. Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того и не хочет, и не думает. Я жду – и вижу, что глубока чаша испытаний и далеко еще до дна" (с. 446).

Полагаем, что было бы интересно сравнить взгляды русских консерваторов с их европейскими предшественниками и современниками. На страницах монографии мелькают имена Ю. Эволи, К. Шмита, Э. Юнгера, А. Меллера Ван ден Брука, но хотелось бы увидеть сравнительный анализ идей русских консерваторов с

идеями Ж. де Местра, Ф. Шатобриана, Х. Кортеса, В. Зомбарта. К сожалению, этот вопрос не получил в книге должного освещения.

Монография А.В. Репникова вызовет интерес не только историков отечества, но и специалистов по всеобщей истории: она является в

целом успешной попыткой историка, изучая взгляды русских консерваторов XIX–XX вв. "понять Россию умом".

В.Г. Макаров,
кандидат философских наук

А.С. Медяков. ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НОВОЕ ВРЕМЯ. М.: изд-во "Просвещение", 2007, 463 с.

В последнее время наблюдается существенное улучшение положения с учебной литературой. Появились как коллективные, так и написанные отдельными ведущими специалистами учебники и учебные пособия, охватывающие разнообразные аспекты истории и теории международных отношений, практические проблемы мировой и международной политики, внешнеполитическую деятельность России и ее отношения с различными странами и регионами современного мира¹. В концептуальном плане упомянутая литература выдержана в духе системно-структурной методологии. В ней достойное место занимает разбор теорий международных отношений в новое время, тогда как самой истории развития международных отношений в этот период уделяется недостаточное внимание. Первую попытку заполнить возникший вакуум предпринял доктор исторических наук, профессор кафедры истории

международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университет) А.В. Ревякин, выпустивший учебное пособие по истории международных отношений в новое время².

Выход в свет учебника кандидата исторических наук, доцента кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Медякова стал очередной важной вехой на этом пути. Авторский замысел и целевые установки отличаются новаторством и стремлением ввести читателей в мир самых современных достижений отечественной и современной науки. Как бы подводя методологическую базу под избранную схему, А.С. Медяков пишет, что "старался отойти от традиционной сосредоточенности на политической и дипломатической истории" и рассматривал развитие международных отношений и внешней политики отдельных стран "в разных перспективах и во взаимопроникновении различных факторов – экономических, социальных, политических, военных, идеологических, культурных" (с. 3). Далее он подчеркивает, что в учебнике «особое внимание уделялось структурам – будь то эволюция факторов государственной мощи, развитие системы международных отношений или долгосрочные процессы, как, например, демократизация внешней политики или "огосударствление" войны» (с. 3). Наконец, автор отмечает, что в учебнике "достаточно полно представлена событийная сторона истории международных отношений...даются политические портреты некоторых государственных деятелей, воплощавших в себе специфику внешней политики

¹ См., например: Введение в социологию международных отношений. М., 1992; *Новиков Г.Н.* Теория международных отношений. Иркутск, 1996; *Современные международные отношения.* М., 1999; *Введение в теорию международных отношений.* М., 2001; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2002; *Международные отношения: теории, конфликты, организации.* М., 2004; *Наринский М.М.* История международных отношений. 1945–1975. М., 2004; *Современные международные отношения и мировая политика.* М., 2004; *Горохов В.Н.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2004; *Цыганков П.А., Цыганков А.П.* Социология международных отношений. М., 2006; *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939 гг. М., 2006; *Ланцов С.А., Ачкасов В.А.* Мировая политика и международные отношения. М., 2007; *История международных отношений.* М., 2007; *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2007.

² *Ревякин А.В.* История международных отношений в новое время. М., 2004.

отдельных стран и особенности данного исторического периода" (с. 3).

И надо сказать, что А.С. Медяков успешно справился с поставленной задачей. Его учебник построен в форме своеобразной логии, помогающей не потеряться в лабиринтах мировой политики на протяжении почти трех столетий – со времен Тридцатилетней войны в Европе в середине XVII в. до начала Первой мировой войны – и обратить внимание на самое главное. Этому способствуют особо выделенные "фонарики", которыми испещрены главы и параграфы. Одни из них специально разбирают дипломатическую деятельность и организацию МИДов ведущих стран мира на разных исторических этапах (с. 7–11; 154–161; 270–271). Другие, например: "Новая война" (с. 87–88), "Новое государство" (с. 4–5; 147–148), "Общественное мнение и пресса" (с. 148–149), "Цветные книги" (с. 149–150), "Общественное мнение и духовный климат" (с. 439–441), "Демографические и социальные сдвиги" (с. 154), "Конгресс как социокультурный феномен" (с. 173–174), "Русофобия в Европе" (с. 234–236), "Принцип национальности" (с. 295–296), "Механизм создания союзов" (с. 362–364) – нацелены на совершенствование и развитие понятийного аппарата и работу с различными концептуальными системами и моделями.

Одно из достоинств книги – обращение к теоретико-методологическим проблемам, дискутируемым научным сообществом и представляющим большой интерес в первую очередь для преподавателя. А.С. Медяков касается ряда фундаментальных понятий, предлагая им собственные интерпретации и уточнения. С большим интересом читаются страницы, посвященные "демократизации, идеологизации и национализации" внешней политики (с. 85–87, 132). Связав эти принципы с "тремя главными направлениями" долгосрочных изменений, намеченных Французской революцией 1789 г., А.С. Медяков, успешно вписывает их в изменившийся мир XIX в. (с. 150–152, 305–306). Может быть, для слуха российского читателя термин "национализация внешней политики" и покажется не совсем приемлемым в силу того, что в нашей стране "национализацию" обычно связывают с огосударствлением экономики, но, на наш взгляд, он выглядит вполне подходящим. Поставив перед собой непростую задачу отойти от традиционной схемы в изображении международных отношений, А.С. Медяков удачно представил главы по колониальной по-

литике. Он оригинально трактует значение колониальных захватов для европейской системы в условиях "пентархии" (с. 41), "гексархии" (с. 165, 308) в Европе XVII–XVIII вв. (с. 65–66; 74, 77). Затем автор прослеживает изменение представлений о статусе великой державы в связи с новым звучанием колониальной политики в XIX в., в период империализма (с. 247–250; 393). Здесь он вводит определения "неформального" и "формального" империализма, раскрывает смысл "эффективной оккупации" Африки (с. 399) и подробно разбирает три типа колониального господства в то время. Заслуживает внимания избранная форма подачи материала о трактовке войны французскими революционерами (с. 87, 94, 100) и о становлении и развитии внешней политики США в новое время (с. 269–286).

Отвечающей задачам, поставленным автором, выглядит внутренняя структура работы. А.С. Медяков придерживается системно-структурного метода и свободно ориентируется в современной отечественной и зарубежной исследовательской литературе этого направления. Осваивая широкие просторы ценностных ориентаций и предпочтений на этом поле, А.С. Медяков излагает систему международных отношений в новое время через противоборство между "гегемонией и равновесием", "легитимностью и узурпацией", "противоречиями и компенсациями" (с. 37, 130, 147–151, 166–169). Характерной чертой системы международных отношений в 1815–1848 гг. А.С. Медяков называет борьбу между "силами устойчивости", представленными европейскими правительствами, и "силами движения" в виде либерализма и национализма, порожденными революцией (с. 191). Особое внимание автор сосредотачивает на роли идеологии, представляя либерализм и консерватизм как национально-государственное видение международных отношений, а социализм в лице II Интернационала – как универсалистское. Он четко показывает отличия европейской и американской организации системы международных отношений, подчеркивая, что еще с начала нового времени первая основывалась на идее равновесия, а вторая – лидерства (с. 269). Убедительно раскрывает автор зарождение идеи американской исключительности (с. 283), "реальной" (с. 297, 332) и мировой политики (с. 375) на этом этапе.

Достоинство учебника заключается и в информационном фундаменте. В нем в той или

иной степени охвачены все события международной жизни в новое время. Нашлось место и для каждого актора мировой политики. В целом получилась яркая и впечатляющая картина. Перед читателем проходят политические портреты некоторых государственных деятелей: Ш.М. Талейрана, К.Л. Меттерниха, Г.Дж. Пальмерстона, Наполеона III, О. Бисмарка, Т. Рузвельта. Даже обложка, выбранная автором для книги, призвана нести определенный смысловой импульс. Для нее выбран рисунок О. Домье, символически изображающий Европу на дымящейся бомбе как знак того, что в новое время она частенько балансировала на грани войны.

Хорошо представляя, что учебник не только снабжает читателя информацией, но и помогает ему научиться мыслить критически, А.С. Медяков делает выводы таким образом, чтобы они стимулировали к "просмотру" всевозможных альтернативных ситуаций в международных отношениях. Подтверждением тому может послужить, например, данная им характеристика обстановки кануна Первой мировой войны: "Несмотря на противостояние блоков, гонку вооружений, националистическое общественное мнение, мировая война не являлась закономерным и неизбежным

следствием этих обстоятельств, что подтвердил мирный исход всех предыдущих кризисов. В конечном счете война стала продуктом человеческих решений в сложившихся конкретных исторических условиях, решений, диктовавшихся неповторимой смесью ошибочных расчетов, преувеличенных страхов и специфической военной логики" (с. 453).

Можно с уверенностью констатировать, что ознакомление с книгой А.С. Медякова будет полезно не только студентам, но и научным работникам. Остается пожалеть лишь о том, что в ней отсутствуют глава, посвященная непосредственно Первой мировой войне, и столь необходимые для лучшего усвоения материала карты и схемы. Учитывая тот факт, что книга А.С. Медякова открывает трехтомный цикл учебников по истории международных отношений, задуманных кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, пожелаем авторам последующих изданий продолжить начатое на столь же высоком уровне.

Г.Н. Канинская,
доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Ярославского государственного
университета им. П.Г. Демидова

Е.П. Рымко. О ШВЕЦИИ, ШВЕДАХ И МНОГОМ ДРУГОМ... ЗАПИСКИ ПОСЛАНИКА. М.: "Научная книга", 2007, 286 с.

Е.П. Рымко. М. А. ШОЛОХОВ НА РОДИНЕ АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ. СПб.: "Гуманистика", 2007, 272 с.

Е.П. Рымко – профессиональный дипломат, многие годы проработавший на скандинавском направлении, в том числе на различных должностях в посольстве нашей страны в Швеции – 18 лет, – неоднократно выступал в роли переводчика со шведского языка во время двусторонних переговоров на высшем уровне. Интерес к мемуарам Е.П. Рымко придает его богатый жизненный опыт, острая наблюдательность, глубокое знание описываемых реалий страны и скандинавского региона в целом.

Автор описывает Швецию с большой доброжелательностью. Характерен в этой связи приводимый в книге принцип, из которого ис-

ходил многолетний посол Швеции в Москве Гуннар Ярринг: без благожелательного отношения к народу, к стране, в которой дипломат аккредитован, работать трудно, даже невозможно (с. 54).

Мемуары "О Швеции, шведах и многом другом..." насыщены информацией об истории внешнеполитического ведомства на протяжении полувека, о быте и условиях работы советских дипломатов. Особую ценность придают книге краткие, но яркие характеристики отечественных дипломатов, в частности А.А. Громыко, А.Я. Вышинского, К.К. Родионова, Г.Н. Фарафонова, А.М. Александрова-Агентова, Н.М. Лунькова, Ф.Т. Гусева, В.В. Карягина,

Н.Д. Белохвостикова, А.И. Степанова, М.Д. Яковлева и многих других.

Работая в Швеции Е.П. Рымко не мог не оказаться под обаянием столь яркой фигуры в двусторонних советско-шведских отношениях, как А.М. Коллонтай. Автор в течение ряда лет накапливал свидетельства о первой женщине-после людей, близко знавших А.М. Коллонтай на различных этапах ее жизненного пути (с. 37–43). Любопытны содержащиеся в книге сведения об очень популярной в Швеции Софье ("Соне") Ковалевской, великой княгине Марии Павловне, З.В. Лагеркранц, М. Пасечниковой (жене В. Квислинга).

Интересны разделы книги о национальных чертах шведов (с. 76–92). Е.П. Рымко разделяет концепцию профессора Стокгольмского университета О. Дауна о связи характера шведов с судьбами страны в целом: "Шведы отличаются чрезвычайной рациональностью мышления, не склонны выставлять свои чувства напоказ, в случае конфликтов не дают волю эмоциям, а стремятся к поиску компромиссного решения". В этих чертах шведского характера профессор Даун видит объяснение таких сторон жизни страны, как четкое функционирование государственной машины, слабая религиозность и др. (с. 78).

Автор, размышляя о будущем развитии Швеции, цитирует мнение историков Я. Мелина, А. Юнссона и С. Хеденборг: "После войны шведы видели свое национальное своеобразие в том, чтобы быть современными эпохе. Швеция не искала свой образ в прошлом, а была устремлена в будущее. Гордость за шведские технологические достижения, искусство администрирования, социальную ухоженность, рациональность, художественный дизайн составляла основу национального самосознания". Однако "в последние десятилетия XX в. эти представления о самих себе поколебались. Ощущение того, что страна оказалась в сложной ситуации, росло. Раньше шведы никогда не испытывали чувства неполноценности от того, что их нация – одна из самых маленьких в Европе. В силу развитости своей экономики, обороны, крепкой инфраструктуры Швеция выступала как средняя по величине держава. К концу XX в. ощущение своей малой значимости усиливалось... На пороге нового тысячелетия Швеция пребывала в сомнениях" (с. 91–92).

Запоминается описание личных встреч автора с королями Густавом VI Адольфом и Карлом XVI Густавом. Надо отметить, что монар-

хический строй пользуется поддержкой большинства населения (с. 149), это не пришло само собой, а стало результатом продуманных действий Густава VI Адольфа (с. 145).

Е.П. Рымко, характеризуя "шведскую модель" социально-экономического устройства, справедливо отмечает, что она является результатом длительной упорной работы многих поколений и институтов шведского общества, находится в состоянии постоянного развития и очень разумного регулирования. Полезным было бы понимание и восприятие ее отдельных составных частей, в частности, развитие кооперации, опыт переквалификации рабочей силы, функционирование биржи труда и т.п. (с. 254–259).

Будучи на протяжении нескольких десятков лет активным участником практической работы по выстраиванию двусторонних советско/российско-шведских отношений, Е.П. Рымко дает общую картину развития этого процесса с 50-х годов XX в., вплоть до нашего времени, позволяющую оценить не только сложности и неравномерности развития этих отношений, но и, что существеннее, реализации потенциала, которым они располагают.

По мере того, как происходили изменения в международной обстановке в мире, и вследствие подвижек во внешней политике СССР изменилась и атмосфера советско-шведских отношений. Автор ярко передает известную ему из собственного опыта атмосферу и детали ряда событий тех лет: присуждение М.А. Шолохову Нобелевской премии (с. 107–130), посещение Швеции Ю.А. Гагариным (с. 130–136). Е.П. Рымко отмечает как характерную примету времени разницу между атмосферой визитов в Швецию двух глав правительства Н.С. Хрущева (с. 149–160) и А.Н. Косыгина (с. 161–163). Если визит первого проходил в условиях постоянной полемики, то посещение Швеции Косыгиным носило деловой, спокойный и позитивный характер (с. 162).

Обоснованной представляется позиция автора, привлекающего внимание к заявлению премьер-министра К. Бильдта о наличии такой атмосферы в шведско-советских отношениях, которая способствует созданию хорошей основы для совместного продвижения вперед в будущем (с. 31).

Современное состояние существенно изменившихся в 90-е годы российско-шведских отношений, по словам автора, определяется глубокими изменениями, произошедшими в на-

шей стране и в ее внешней политике. Министр иностранных дел Швеции Л. Фрейвальде отмечает, что "в своей основе отношение Швеции" к нашей стране имеет "желание видеть Россию стабильной и процветающей, живущей в мире с собой и своими соседями" (с. 255). Впервые за исторически длительный период шведы считают, как заявил посол Швеции в России с. Хирдман, что Россия не является угрозой Швеции (с. 273). В свою очередь, отметил он, членство Швеции в НАТО привело бы к усилению напряженности в районе Балтийского моря и Кольского полуострова. Между нашими странами ведется углубленный диалог по вопросам внешней политики и политики безопасности. При этом контакты осуществляются и между правительствами, и между общественными организациями.

Одним из дел, которые Е.П. Рымко вел в ходе своей дипломатической работы, было налаживание и развитие советско-шведских связей в области истории нобелевского движения, изучение биографии Альфреда Нобеля и истории его семьи в России. На основе его воспоминаний, впечатлений, материалов, встреч с нобелевскими лауреатами из СССР, в первую очередь с М.А. Шолоховым, написана вторая из рассматриваемых здесь книг. Большой объем занимает подборка советских, российских и шведских документов по тематике Нобелевских премий. Впервые публикуется "Шолоховская папка" из личного архива автора. Особый интерес представляет документально-информационный раздел по изучению наследия нобелевских лауреатов, осуществляемому Международным фондом истории науки в Санкт-Петербурге с 90-х годов XX в. Сообщается, в частности, что с 2006 г. возобновлено традиционное для Санкт-Петербурга присуждение премии имени Людвиг Нобеля (с. 268).

Книга Е.П. Рымко существенно дополняет нобелевскую главу биографии М.А. Шолохова. Автор был активным участником мероприятий, связанных с присуждением премии и ее вручением в Стокгольме, а продолжившиеся позднее дружеские отношения с писателем дали ему возможность дополнить свой рассказ подробностями, характеризующими личность М.А. Шолохова. Еще до выхода книги Е.П. Рымко опубликовал несколько статей о пребывании М.А. Шолохова в Швеции, основываясь на материалах своего личного архива.

Историю присуждения М.А. Шолохову Нобелевской премии хотелось бы дополнить не-

которыми материалами Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), из которых явствует, что у истоков процесса, приведшего к награждению М.А. Шолохова, стояла А.М. Коллонтай.

В январе 1934 г. полпред писала Б.С. Стомонакову, заместителю наркома, что ее протесты шведскому министру иностранных дел Сандлеру из-за присуждения в 1933 г. И.А. Бунину Нобелевской премии оказались безрезультатными, как и "предупреждения о том неблагоприятном впечатлении, которое произведет в Москве такое решение Нобелевского комитета"¹.

Проведя этот демарш, Коллонтай исполняла указания НКВД, направленные 20 декабря 1933 г.²

Однако, как представляется, Александра Михайловна, как инициативный и конструктивно мыслящий дипломат, полемике предпочла подключение к процессу. Она сразу же предложила принять конкретные меры "для закрепления связей с ученым миром и для поднятия нашего престижа в этой области"³.

В письме заместителю заведующего I Западным отделом НКВД И.Я. Гайкису от 3 декабря 1934 г. А.М. Коллонтай писала: "Из литературных сил мне представляется, что кандидатура Шолохова здесь находит некоторый отклик. Его читают и ставят высоко как талант"⁴.

24 декабря 1934 г. А.М. Коллонтай в письме Б.С. Стомонакову сообщала: "К нам приезжал тов. Шолохов и произвел весьма приятное впечатление. Все газеты, даже правые, дали о нем хорошие отзывы. Шолохов в Швеции – признанное имя. Еще раз ставлю вопрос о том, не попытаться ли через известные группы выставить его кандидатуру на Нобелевскую премию по литературе в 1935 году. Хотя, конечно, легче было бы получить премию по линии научной, особенно по химии"⁵. Как и пишет Е.П. Рымко, премию по химии СССР получил, но значительно позже.

¹ АВП РФ, ф. 140, 1934 г., оп. 18, п. 117, д. 322, л. 3.

² Там же, ф. 9, 1933 г., оп. 8, п. 66, д. 53, л. 45.

³ Там же, ф. 0140, 1934 г., оп. 18, п. 117, д. 322, л. 3.

⁴ Там же, д. 336, л. 46.

⁵ Там же, д. 322, л. 123.

Две книги Е.П. Рымко объединены стремлением автора передать читателю чувства уважения к Швеции и шведам, желанием подчеркнуть то, что объединяет наши страны и народы, не даром он является членом правления Общества друзей Швеции. Хотелось бы поже-

вать, чтобы обе книги Е.П. Рымко стали известны и шведскому читателю.

А.И. Петренко,
кандидат исторических наук,
советник 1-го класса в отставке

А.В. Тырсенко. ЭММАНЮЭЛЬ ЖОРЕС СИЙЕС И ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ МЫСЛЬ ЕГО ВРЕМЕНИ М.: изд-во МГУ, 2005, 296 с.

В монографии кандидата исторических наук, преподавателя кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ А.В. Тырсенко представлены результаты его научных исследований, касающихся истории разработки либеральных идей во Франции в последней трети XVIII – начале XIX в. В центре внимания автора – интеллектуальное творчество Эмманюэля Жореса Сийеса, одного из самых ярких французских мыслителей рубежа XVIII–XIX вв., чьи идеи оказали огромное воздействие на социально-политические практики революционной эпохи.

Главной задачей своей работы А.В. Тырсенко полагает выявление взаимосвязей между вехами биографии Сийеса, его идейно-политическими исканиями и развитием европейского либерального самосознания в эпоху Великой французской революции и наполеоновских войн.

К настоящему времени в мировом пространстве социально-гуманитарного знания сформировался значительный корпус научной литературы, содержащей различные опыты осмысления теоретических и социально-практических аспектов французской интеллектуальной традиции XVIII – первой половины XIX в. А.В. Тырсенко хорошо знаком с концепциями, содержащимися в таких текстах, и постоянно обращается к ним в основных главах своего исследования. Несмотря на имеющийся в современной историографии массив текстов и интерпретаций, можно с уверенностью сказать, что огромный пласт наследия французского интеллектуала Сийеса до сих пор оставался вне научного внимания ученых, занимающихся сходной проблематикой. Своим исследованием А.В. Тырсенко в значительной степени восполняет эту лакуну.

Источниковую базу исследования составляют большой массив рукописных текстов из фонда Сийеса, хранящихся в Национальном архиве Франции, и практически все опубликованные его работы, включая публицистику и парламентские выступления. Значительная часть использованных источников – это французские документы официального происхождения и тексты европейских мыслителей XVIII – первой половины XIX в., а также периодическая печать и мемуарная литература. Используя современные процедуры научного анализа текстов, автор тщательно изучил различные виды исторических свидетельств. Выбранные им подходы к исследованию источников позволяют говорить об оригинальности разработки темы. Они дают автору возможность занять свою позицию. Она выражена в новаторской, выверенной и аргументированной концепции.

Композиционная логика исследования подчинена логике концептуальной. Автор последовательно анализирует этапы интеллектуальной и политической биографии Сийеса, подробно останавливаясь на сложном процессе его творческой деятельности "кабинетной" и социально-политической деятельности. А.В. Тырсенко показывает, как формировалась интеллектуальная "родословная" Сийеса на базе идей европейского рационализма раннего Нового времени, британского и французского Просвещения, каким образом менялись его представления о мире, человеке, обществе и государстве в историческом времени в связи с обретением им нового личностного и социального опыта.

Центральная проблема, которую обсуждает автор, – подвижность, открытость либеральных идей в менявшемся новоевропейском ми-

ре. Он раскрывает связь построений Сийеса с тенденциями просветительской критики французского "старого порядка" и становлением новых объяснительных схем в социально-гуманитарном знании рубежа веков. Вместе с тем автор постоянно подчеркивает важную мысль о принципиальном новаторстве творчества Сийеса и его сопряженности с динамичными, противоречивыми социально-политическими реалиями жизни Франции периода революции и наполеоновского времени.

Автор рассматривает творческий путь и политическую деятельность Сийеса в широком культурно-историческом и социально-политическом контекстах Европы и Франции XVIII – первой трети XIX в. В основе такого подхода лежит стремление автора показать сложные переплетения между оригинальными философскими и социально-теоретическими разработками Сийеса и его деятельностью в годы революции, Термидора и в наполеоновский период. А.В. Тырсенко скрупулезно исследует направления философских и социально-теоретических поисков Сийеса и способы адаптации его концептуальных построений к политической практике французского общества на рубеже веков. Сведение воедино сложных исследовательских задач, которые вполне могут быть поставлены самостоятельно, оказывается далеко не простой работой.

Заслуга А.В. Тырсенко в том, что целостность поставленных задач задается общим ракурсом рассмотрения избранной темы: автор показывает возможности и границы сопряжения социально-теоретических построений и познавательного инструментария Сийеса с противоречивыми тенденциями неспециализированного, обыденного и философско-научного знания XVIII в.

Интересны попытки А.В. Тырсенко связать интеллектуальную деятельность Сийеса с рассмотрением общих парадигмальных сдвигов в социальном, философском и научном познании Франции (и – шире – Европы) рубежа XVIII – XIX вв. Автор показывает, как происходил процесс формирования иных, по сравнению с серединой XVIII в., коллективных представлений о мире, человеке, отношениях между людьми, выражавшихся в своде новых культурных значений и смыслов, которые переводились в социально-политические практики.

В монографии прослеживается, каким образом эти "ментальные" перемены улавлива-

лись и концептуализировались французскими интеллектуалами, оформляясь в философские, теоретико-методологические и социально-политические конструкции. Контекст этой интеллектуальной работы образуют острые идейно-политические дискуссии о путях преодоления "старого порядка" во Франции и самоопределение тех социально-политических сил, которые в своей борьбе за власть использовали новый язык аргументации.

Выбранный автором ракурс исследования актуален для современной российской исторической науки и социальной философии. Комплексная постановка и научная разработка такой темы весьма значимы для понимания формирования и развития французского либерализма. Они углубляют научное осмысление проблем интеллектуальной истории как истории формирования нового общественного лексикона, переработки концепций позднего Просвещения и их включения в конгломерат либеральных социально-философских, политических, этических идей в первой половине XIX в. Эта попытка автора вписать творчество и политические практики Сийеса в разные историко-культурные контексты важна для системного осмысления исследуемой проблематики.

Автора привлекает возможность рассмотреть сам процесс работы Сийеса над созданием нового общественного лексикона (введение новой терминологии и ресемантизация известных базовых понятий) для построения больших объяснительных конструкций, которые были бы востребованы французским обществом, болезненно переживавшим состояние революционных изменений.

Большое место в книге занимает рассмотрение базовых понятий, используемых Сийесом при разработке социальных теорий и концепций. Речь идет о формировании теорий социального порядка, разделения труда и собственности, создании новых концепций общества, нации, свободы и ответственности индивида в социуме ("свобода-независимость" и "активная свобода"), гражданства и демократии, регулирующей роли государства и др.

Эта часть монографии А.В. Тырсенко представляется особенно интересной и перспективной для исследования проблематики европейского либерализма. Философская и теоретическая разработка либеральных идей, как доказывает автор, в значительной степени определялась личными социально-политическими приоритетами Сийеса. Выход теорети-

ческого, научного знания в социальную практику казался ему вполне естественным продолжением его "кабинетной" интеллектуальной работы.

А.В. Тырсенко подробно анализирует содержание политических дискуссий кануна и периода Французской революции, в рамках которых философские и социально-теоретические установки Сийеса обрели новые черты и оттенки. Здесь наиболее отчетливо проявляется прагматическая (идеологическая, политическая) сторона его концептуальных построений.

В публичных спорах Сийес сумел заметно скорректировать свои позиции и, сохраняя приверженность идеям либерализма, дополнить их демократическими элементами в рамках представительной системы. Ряд его основополагающих идей в конечном счете оказался востребованным в процессе государственно-политического и социального "строительства" новой Франции.

Интерпретация творчества Сийеса выглядит в монографии глубоко продуманной и обоснованной. Основательность научного в сочетании с аргументированностью, ясностью принципиальных суждений позволяют говорить о значимом вкладе А.В. Тырсенко в современную российскую историческую науку.

Предлагаемая им концепция побуждает высказать замечание, которое по большому счету может быть истолковано как приглашение к диалогу. Оно связано с содержанием концептов, образующих пространство либерализма на рубеже XVIII – XIX вв. Стоило бы более детально рассмотреть смысловые вариации значений базовых слов в текстах тех мыслителей, – старших и младших современников Сийеса, – которые оказались близки европейскому либерализму, проследить их воздействие на динамику интеллектуальной жизни Франции рубежа веков.

В начале работы автор неоднократно упоминает о том, что ему близки приемы дискурсивного анализа текстов и импонируют подходы, предложенные в работах таких исследователей произведений Сийеса, как Ж. Гийому и У. Сьюэл (изучение особенностей политического дискурса Сийеса в контексте дискурсив-

ных практик того времени). Однако эта интенция, на мой взгляд, не получила своего полного развития. Она реализуется главным образом в начале монографии и в заключительной ее части. Между тем более детальное дискурсивное "измерение" произведений Сийеса могло бы дать автору книги новые научные результаты.

Изучение исторической семантики понятий, которые вводил в оборот и которыми оперировал Сийес, выявление принципов построения базовых высказываний и специфики их организации в текстах позволяет лучше понять, каким образом в произведениях этого французского мыслителя формировались контуры новой системы социально-политических значений и смыслов, актуальных для Франции рубежа XVIII – XIX вв.

Сопоставление риторики и дискурсивных стратегий Сийеса с дискурсивными практиками других европейских авторов, его современников, тщательное рассмотрение самого процесса инструментализации новых понятий и концепций, включения их в важнейшие политические документы Франции представляется очень важным для углубленной разработки проблем интеллектуальной истории. В современном социально-гуманитарном знании именно такое направление научных исследований, как история концептов и особенности их применения в разных контекстах, приобретает приоритетное значение.

В целом книга А.В. Тырсенко представляет собой оригинальное исследование, которое намечает перспективное направление в российской исторической науке и создает возможности для системного понимания теоретико-методологических и социально-практических аспектов интеллектуальной истории. Результаты исследовательской работы А.В. Тырсенко могут быть использованы и в образовательной практике российской высшей школы.

Г.И. Зверева,
доктор исторических наук, профессор
Российского государственного
гуманитарного университета